

УДК 82.091
ББК 83.3(2)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-6-26-36

РОМАН Ю. ДОМБРОВСКОГО «ОБЕЗЬЯНА ПРИХОДИТ ЗА СВОИМ ЧЕРЕПОМ» В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В. В. Каблуков

Аннотация. Цель работы – определить место романа Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» в литературном процессе 1920–1970-х гг., времени существования и развития авторского художественного сознания. Научная новизна исследования состоит в недостаточной изученности этапного для творчества Ю. Домбровского произведения. В результате анализа обнаружено, что в романе продолжают начатые русской литературой Серебряного века поиски ориентиров духовного существования в эпоху крушения гуманизма, автором заново переосмысляются экзистенциальные темы самоубийства, безумия и взаимоотношений человека и культуры, которые найдут свое продолжение в центральных произведениях его творчества – романах «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Обращение к общезначимым для духовного состояния эпохи проблемам сближает роман Домбровского с произведениями экзистенциальной направленности в русской европейской литературе и выводит на знаковую для модернистской и постмодернистской культуры проблему взаимоотношений реальности и текста.

Ключевые слова: литературный процесс 1920–1970-х гг., художественное сознание эпохи, экзистенциальный тип сознания, антифашистский роман, Серебряный век русской литературы.

Для цитирования: Каблуков В. В. Роман Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» в культурном контексте эпохи // Наука и школа. 2024. № 6. С. 26–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-6-26-36.

© Каблуков В. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

NOVEL “THE APE IS COMING TO PICK UP ITS SKULL” BY YU. DOMBROVSKY
IN THE CULTURAL CONTEXT OF THE EPOCH

V. V. Kablukov

Abstract. *The purpose of the work is to determine the place of the novel “The Ape is Coming to Pick up its Skull” by Yu. Dombrovsky in the literary process of the 1920s–1970s, the time of the existence and development of the author’s artistic consciousness. The academic novelty of the research consists in the insufficient study of this novel by Yu. Dombrovsky as an important work along his literary path. The analysis revealed that the novel continues the search for landmarks of spiritual existence begun by the Russian literature of the Silver Age in the era of the collapse of humanism, the author rethinks the existential themes of suicide, insanity and the relationship between man and culture, which will find their continuation in the central works of his – the novels “Keeper of Antiquities” and “Faculty of Unnecessary Things”. The appeal to problems that are generally significant for the spiritual state of the epoch brings Dombrovsky’s novel closer to existentially-oriented works in Russian European literature and to a landmark problem for modernist and postmodern culture.*

Keywords: *literary process of 1920s–1970s, artistic consciousness of the epoch, existential type of consciousness, anti-fascist novel, Silver Age of Russian literature.*

Cite as: Kablukov V. V. Novel “The Ape is Coming to Pick up its Skull” by Yu. Dombrovsky in the cultural context of the epoch. *Nauka i shkola*. 2024, No. 6, pp. 26–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-6-26-36.

Роман «Обезьяна приходит за своим черепом» впервые был опубликован в 1959 г. в издательстве «Советский писатель», сразу после окончания работы над ним. Писать же свой роман Ю. Домбровский начал в 1943 г., после освобождения по инвалидности из лагерной ссылки. Произведение было поставлено в план публикаций журнала «Звезда» и издательства «Московский рабочий» [1, с. 450], но в 1949 г. Ю. Домбровского в очередной раз арестовали. После освобождения автор доработал роман, были написаны «Пролог» и «Эпилог» произведения.

После публикации вокруг «Обезьяны...» образовалась зона молчания, Ю. Домбровский в воспоминаниях о Степане Павловиче Злобине пишет об этом периоде своей жизни так: «Я ждал рецензий, отзывов, на плохой конец просто упоминаний в общих обзорах литературы за этот месяц или полугодие. Но ничего не было. Книги как будто не существовало. Мимо нее проходили, не замечая, – ну хоть бы выругали, что ли!» [2, с. 242].

Спустя 65 лет после публикации романа ситуация вокруг него изменилась незначительно. В немногочисленной библиографии, посвященной творчеству Домбровского, можно выделить лишь несколько работ, где материалом исследования является именно роман «Обезьяна приходит за своим черепом». В частности, в статье И. А. Кравчука анализируется жанровое своеобразие произведения, доказывається генетическая связь его структуры с жанрами детективного и шпионского романа [3], в исследованиях А. Р. Зайцевой и Р. Яськовской рассматривается концепция истории в романе [4; 5].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения места романа «Обезьяна приходит за своим черепом» в творческой эволюции автора

и связи поэтики произведения с тенденциями в европейском культурном сознании XX в. и русской литературе Серебряного века.

В теоретическую базу исследования положены сравнительно-исторический, биографический и культурно-исторический методы анализа закономерностей литературного процесса. Такой подход позволяет включить в сферу компаративистики сопоставления, обозначенные пределами одной национальной литературы и границами единого текста произведений одного автора. В связи с этим в теоретическом обосновании исследования для нас принципиально важными были работы М. Бахтина о соотношении автора и героя в художественном произведении [6], а также введенное в научный оборот В. В. Заманской понятие «экзистенциальный тип сознания» [7].

В романе «Обезьяна приходит за своим черепом» можно выделить две основные относительно самостоятельные сюжетные линии. В первой действие происходит в годы Второй мировой войны и разворачивается вокруг фигуры профессора палеоантропологии Леона Мезонье. Он выступает с критикой расовых теорий Третьего рейха, но после оккупации нацистами города, в котором жил и работал Мезонье, его не арестовывают, а склоняют к сотрудничеству. Профессор, защищая свои идеалы и убеждения, совершает самоубийство.

В «Прологе» и «Эпилоге» действие происходит уже в 1955 г. Главный герой – сын профессора Ганс Мезонье, журналист, редактор юридического отдела крупной газеты. Он встречает в городе бывшего эсэсовца Гарднера, которого обвиняет в смерти отца. Гарднер реабилитирован, более того, готовится занять высокий пост в государственной структуре. Ганс пишет и публикует разоблачающую фашиста статью, за что младшего Мезонье обвиняют в антигосударственной деятельности. Ситуация осложняется убийством Гарднера, на самого же Ганса совершается покушение, он оказывается на больничной койке, где ожидает суда и обвинения в подстрекательстве на убийство и одновременно пишет свои воспоминания.

В связи с этим представляется возможным говорить о двух частях одного произведения, которые связаны фабулой и сквозными персонажами. Дистанция между частями «Обезьяны...» выражается как во времени действия, так и во времени написания. В первой части романа отражается представление автора о духовном состоянии Европы во время Второй Мировой войны, во второй части в центре внимания Домбровского – состояние европейского сознания спустя 10 лет после ее окончания.

Написанная в 1940-х первая часть романа изначально существовала как самостоятельное произведение. Несмотря на положительную реакцию некоторых издательств, сегодня совершенно понятно, что идея публикации «Обезьяны...» была обречена на провал: роман не вписывался в литературный процесс периода Великой Отечественной войны.

Л. А. Трубина отмечает: «В числе общих черт, свойственных литературе военных лет, отметим акцентировку проблем долга, служения, жертвенности, подчеркнутую контрастность конфликтов (мы-они, свои-чужие), отсутствие особой психологической глубины и многогранности в разработке характеров. Время для аналитического и философского осмысления войны наступит позже» [8, с. 10]. Советская литература периода Великой Отечественной войны сориентирована на художественное осмысление эпического состояния мира, когда личностные интересы человека уходят на второй план, «Я» исчезает, растворяется в «Мы», при этом идеологизированное определение «советский» заменяется на онтологическое «русский».

Действие романа Ю. Домбровского происходит в Западной Европе, действующие лица – иностранцы, основной конфликт романа – противостояние личностного,

индивидуального сознания и идеологии фашизма. Страна, в которой развиваются события «Обезьяны...», автором сознательно не обозначена, Домбровский этим приемом выходит на другую, по сравнению с современной ему советской литературой периода Великой Отечественной войны, способ типизации и обобщения фактов действительности. Домбровский отказывается от ориентации на сиюминутное событие, что было в основе прозы этого периода и затем станет основанием поэтики «новой прозы», так называемой «лагерной темы». Автор «Обезьяны...» моделирует общую для Европы ситуацию зарождения и развития национализма, произведение Домбровского можно поставить в один ряд с европейскими антифашистскими европейскими романами К. Чапека «Война с саламандрами» (1936), А. Камю «Чума» (1947), Э. М. Ремарка «Черный обелиск» (1956), где ситуация тоже сконструирована и в центре художественного мира стоит индивидуальное сознание. Сближает роман Ю. Домбровского с европейскими романами на содержательном уровне экзистенциальная трактовка действительности. В поэтике той части «Обезьяны...», где действие развивается в годы войны, это выражается в устойчивом мотиве самоубийства. А. Камю в «Мифе о Сизифе» так формулирует основной вопрос философии: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства» [9, с. 24]. В романе Домбровского дана череда самоубийств: кончают с собой профессора Мезонье, Ганка, Бернс, подпольщик Войцик. В своей статье И. А. Кравчук объясняет это влиянием стоической традиции на мировоззрение автора [3, с. 307], но, на наш взгляд, психологическую мотивировку добровольного ухода из жизни Домбровский находит каждому персонажу индивидуальную.

Действительно, судьба Леона Мезонье в художественном мире романа изначально предрешена: он существует перед читателем с томиком Сенеки, постоянно цитирует древнеримского философа, а себя сравнивает с Архимедом, который погиб, охраняя свои чертежи. Но уже в этом можно увидеть двойную мотивировку самоубийства Леона. Сенека покончил жизнь самоубийством по приказу своего ученика Нерона, чтобы избежать смертной казни, Архимед же ушел из жизни, утверждая и защищая значимость дела всей своей жизни. Леон Мезонье, с одной стороны, подчиняется действительности, которая толкает его на самоубийство, лишает его веры в этическое обоснование существования: Мезонье предают ученики, его научные открытия обесцениваются. О решении уйти из жизни первым и единственным узнает эсэсовец Гарднер, но не останавливает профессора. С другой стороны, самоубийство для Мезонье становится единственным способом сохранить дело своей жизни – книгу о происхождении человека, над которой он работал более сорока лет.

Уход из жизни Ганки и Войцика автор не объясняет сюжетами мировой истории и культуры, ими, в первую очередь, движет страх и понимание предстоящей мучительной смерти от рук нацистов. К тому же профессор Ганка мучительно переживает свое предательство: он подписался под письмом против своего учителя, сломавшись во время допроса. Совершив покушение на Гарднера, Ганка стреляется, он уже знает, что ему предстоит, если он вновь окажется в застенках гестапо. В какой-то момент перед страхом быть захороненным заживо отступает и Войцик, совершая самоубийство.

Работа над романом «Обезьяна приходит за своим черепом» велась Ю. Домбровским параллельно с написанием повестей, посвященных творчеству Шекспира. По признанию автора, сделанному в «Итальянцам о Шекспире» (1969), он написал «Смуглую леди» (1946) после того, как понял, что мысли о самоубийстве были стержнем рефлексии Шекспира во многих его произведениях: трагедиях и сонетах [10].

В первой части «Обезьяны...» ницшеанская идея свободной смерти проверяется как на протагонисте Леоне Мезонье, так и на антагонисте профессоре Ланэ. Последний оправдывает свое предательство и отказ от добровольного ухода из жизни цитатой из «Гамлета»: «Так трусами нас делает раздумье» [11, с. 140]. Приведенная в тексте романа фраза из трагедии дана в переводе, сделанном в 1933 г. М. Лозинским, одним из создателей школы поэтического перевода в СССР. В 1969 г. Домбровский дает свой вариант перевода последней фразы монолога Гамлета: «Так совесть нас превращает в трусов» [10, с. 300]. Для нас важна эта разница в переводах. В первом случае отказ от «свободной смерти» мотивирован рефлексией («раздумье»), во второй – нравственным императивом («совесть»). В этом видится эволюция авторского сознания от идеи свободной смерти до идеи экзистенциальной ответственности. В дальнейших рассуждениях о поэтике романа «Обезьяна приходит за своим черепом» мы вернемся к этой мысли.

Утверждая, что роман Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» не вписывается в литературный процесс периода Великой Отечественной войны, нам необходимо объяснить некоторые особенности его поэтики, оперируя более широкими хронологическими рамками.

Домбровский четырежды входил в русскую литературу: в 1930-е гг., которые приходятся на закат «серебряного» века, в 1940-е, в 1950–1960-е, в эпоху Оттепели, и в 1988 г., когда в СССР состоялась посмертная публикация «Факультета ненужных вещей». Непродолжительный период, приходящийся на годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, явился продолжением исканий Серебряного века, преломленных через сознание человека, уже пережившего прямое, физическое столкновение с антигуманной действительностью.

В истории русской литературы 1920–1930 гг. – «это время... когда авторы самых разных эстетических направлений пытаются ответить на основной вопрос философии, как его сформулировал А. Камю в «Мифе о Сизифе»... Типологически несопоставимые персонажи Е. Замятина, А. Платонова, А. Мариенгофа, Тэффи, Н. Эрдмана, М. Булгакова, Б. Пильняка, Д. Хармса и др. либо кончают с собой, либо совершают поступки, синонимичные самоубийству» [13].

Как нами было показано в предыдущих исследованиях, эстетическое осмысление слома веков происходит в лирике Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой, В. Маяковского и других поэтов через образы шекспировского «Гамлета», что «...объяснимо близостью духовного состояния эпохи позднего гуманизма и крушения гуманизма начала двадцатого века. Смена веков XVI–XVII и XIX–XX проходит в похожей ситуации крушения утопий: в первом случае «умирает» Человек, равный Богу, во втором «умирает» сам Бог... В этом ракурсе можно говорить о функционировании всего текста трагедии «Гамлет» в интертекстуальном сознании, о «Гамлете», как о претексте русской литературы начала XX века...» [14]. При этом близкие по духу эпохи актуализируют в коллективном культурном сознании одинаковые темы и идеи: во-первых, тему самоубийства, во-вторых, тему безумия, в-третьих, идею деконструкции и десакрализации текста.

С этой точки зрения можно утверждать, что в романе Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» отражаются и получают развитие духовные искания русской литературы первой трети XX в. Как мы выяснили, тема самоубийства реализуется на экзистенциальном уровне конфликта произведения Домбровского. Мотив безумия входит в мотивный комплекс болезни, который в свою очередь, как это убедительно доказано в статье И. А. Кравчука, приводит к появлению медицинского дискурса в романе [3]. Нам же необходимо обратиться

к более подробному анализу взаимоотношений персонажей романа Домбровского с созданными ими текстами.

Леон Мезонье еще до прихода фашистов в его город выступает с критикой расовых теорий Третьего рейха. В ответ на книги Розенберга «Миф XX века» и Гитлера «Моя борьба» профессор пишет труд под названием «Моя борьба с мифом XX века». Коллизия, возникшая вне сюжетного времени романа, не вырастает в конфликт, нацисты знают о позиции Мезонье, но опубликованная им книга воспринимается как нечто второстепенное, неспособное всерьез противостоять текстам той реальности, которую творят фашисты. В эпизоде, когда Гарднер представляет профессора одному из лидеров рейха, «Уродец с любопытством взглянул на отца:

– И автор книги “Моя борьба с мифом двадцатого века”? – спросил он» [11, с. 131].

Профессор Мезонье до конца сохранил веру в существование истины, которую может нести текст. Перед смертью он находит способ передать труд всей своей жизни в ленинградский Институт мозга. Вместе с тем, в «Эпилоге» романа Домбровского абсолют научной истины ставится под сомнение: по версии следствия по факту публикации труда Мезонье в СССР, в книге «Расы и расизм» «ряд страниц, абзаце и подглав... являются отрывкой коммунистической интерполяцией» [11, с. 437]. Текст Леона Мезонье в системе ценностей новой эпохи становится «таймой вещью», подделкой, «симулякром» в терминологии Ж. Бодрийяра. Новая модель пространства – это пространство симулякров, где любая истинная вещь кажется подделкой, «постольку поскольку выдает себя за подлинную в рамках системы, основанной отнюдь не на подлинности, а на абстрактно-исчислимом знаковом отношении» [15, с. 83].

Книга «Расы и расизм» становится только второстепенным «действующим лицом» детективной интриги романа Ю. Домбровского. Основной конфликт первой части романа «Обезьяна приходит за своим черепом» разворачивает сюжет, где Леона Мезонье пытаются заставить написать научное обоснование нацизму, которое должно стать частью ложной текстуальной действительности, частью гиперреальности, которая, по Бодрийяру, разрушает настоящую реальность, подменяет ее [16].

В композицию романа Ю. Домбровский вводит три относительно самостоятельных и законченных текста: это, во-первых, письмо коллег и учеников Леона Мезонье, направленное против него и его учения, во-вторых, письмо министров неназванного государства с аргументацией необходимости расследования дела о публикации книги профессора в СССР. Эти два текста становятся частями гиперреальности, псевдодействительности. Третий текст, письмо профессора Ланэ своему учителю Леону Мезонье, – это попытка Ланэ оправдать свое предательство, найти ему психологическое, то есть реальное, обоснование. В центральном произведении творчества Домбровского, в романе «Факультет ненужных вещей», тема предательства будет осмысляться автором уже на культурологическом, философском уровне. В тексте «Факультета...» книга попа-расстриги Куторги о предательстве Иудой присутствует косвенно, но читатель может познакомиться с ней в приложении «Суд Синедриона».

Давление со стороны нацистов на Леона Мезонье можно рассматривать как вариант одной из основных в творчестве Ю. Домбровского коллизий: «подпишет – не подпишет». В стихотворении «Известному поэту» она формулируется так:

*...Ты был настолько независим,
Что не писал «открытых писем»,
И взвесив все в раздумье долгом,
Не счел донос гражданским долгом* [17, с. 164].

В автобиографическом стихотворении «Утильсырье» отказ «подписать» звучит как приговор, который лирический герой выносит самому себе:

*...Я десять суток не смыкал глаза,
Я восемь суток проторчал на стуле...
Я уж не знал, где день, где ночь, где свет,
Что зло, а что добро, но помнил твердо:
«Нет, нет и нет!» Сто тысяч разных «нет»
В одну и ту же заспанную морду!..
И он сказал презрительно-любезно:
– Домбровский, вам приходится писать... –
Пожал плечами: «Это бесполезно!»
Осклабился: «Писатель, вашу мать!..»
А мертвые спокойно, тихо спят,
Как «Десять лет без права переписки...» [17, с. 162].*

Сюжет стихотворения «Утильсырье», написанного в 1959 г., будет положен в основу ряда эпизодов в романе «Факультет ненужных вещей», в которых Зыбин во время ареста физически сопротивляется давлению на него со стороны следователей НКВД.

Отказываясь научно обосновывать отличное от всего человечества происхождение арийской расы и доказывать «ее преимущественное, а может быть, и исключительное место в истории человечества» [11, с. 203], к чему его призывает Курцер, профессор Мезонье не соглашается развивать гиперреальность, тем самым выносит себе приговор, понимая и принимая это. Сразу после разговора с идеологом нацизма профессор подводит итог: «Вот и внесена ясность, предельная ясность... А продолжение, надо думать, не последует...» [11, с. 206]

Коллизия «подписать – не подписать» появляется в творчестве Ю. Домбровского из его личного жизненного «лагерного» опыта. Общую же для XX в. проблему взаимоотношений мира и текста писатель сформулировал для себя так, вспоминая о своей работе над первым романом «Державин»: «Основная идея – преобразующая сила творчества, *власть творения над творцом*» (курсив мой. – В. К.) [18, с. 302].

Одна из основных проблем в творчестве Ю. Домбровского – проблема взаимоотношений творца и созданного им произведения, человека и написанного им текста, заново появляется на страницах его произведений в непродолжительный период с 1943 по 1949 г. в том числе и в его произведениях, посвященных Шекспиру, в повестях «Смуглая леди» и «Вторая по качеству кровать». Именно в это время в творчестве Домбровского появляется тип персонажа, который по отношению к литературе 1920–1930-х гг. мы ранее обозначили как «*homo post scriptum*» [12]. Осознание трагичности существования человека «после письма», «после написанного» появляется у Домбровского в самом конце творчества, в последнем его рассказе «Ручки, ножки, огурчик...», где автобиографичный герой приходит к пониманию ложности сценариев поведения, прописанных в его романе, при этом из контекста понятно, что имеется в виду «Факультет ненужных вещей».

С человеком «постскриптного существования» мы встречаемся в «Прологе» и «Эпилоге» романа «Обезьяна приходит за своим черепом». Статья Ганса Мезонье о «возродившемся» фашисте Гарднере становится катализатором развития действия, приводит героя на больничную койку, против него возбуждают уголовное дело. Подобный сюжетный ход Домбровский в дальнейшем применит в «Хранителе древностей», где три сюжетные линии начинаются от публикаций статей о сбежавшем удаве, о найденной «древнеримской» монете и об алма-атинской библиотеке.

Любой текст гиперреальности либо изначально фейк, ложь, либо интерпретируется по законам псевдодействительности. Относительность «прописных истин» проецируется как на статью Ганса Мезонье, так и на труд его отца «Расы и расизм». Релятивизм как принцип существования текста в новой реальности формулирует нацист Курцер: «Я журналист и могу написать все, что... угодно» [11, с. 325].

Подвергается деконструкции не только идея пансемиотического бессмертия, но и идея «свободной смерти»: фашизм не уничтожен, смерть Гарднера оказалась фикцией, самоубийство Ганки только спасением от мучительных пыток.

Теперь необходимо вернуться к той мысли, которую мы сформулировали в начале нашего исследования.

Как уже отмечалось, в период между написанием первой части романа, истории Леона Мезонье, и написанием второй части, истории его сына Ганса, произошла эволюция авторского сознания от идеи свободной смерти до идеи экзистенциальной ответственности. С этой точки зрения, Ганс Мезонье, несомненно, ближе автору, чем его отец. По отношению к Леону Мезонье автор находится на дистанции, что М. Бахтин назвал «позицией внеаходимости», при которой «жизнь героя переживается автором в совершенно иных ценностных категориях, чем он переживает свою собственную жизнь и жизнь других людей вместе с ним – действительных участников в едином открытом этическом событии бытия, – осмысливается в совершенно ином ценностном контексте» [6, с. 42]. Домбровский подвергает сомнению стремление профессора вершить свою судьбу по культурным сценариям прошлого. До уровня трагической иронии это вырастает в слова подпольщика Курта по отношению к другому ученому: «Случись что – этот мирный профессор археологии будет отстреливаться из музейного пистолета до последней щепотки пороха, а захватят его живым – старик вспомнит какого-нибудь героя древности и откусит себе язык» [11, с. 386].

Ганс Мезонье «в жизни совпадает с автором, то есть... он в существенном автобиографичен» [6, с. 42] Домбровскому. Автор наделяет героя элементами своей биографии: Домбровский начинает работу над романом, находясь на больничной койке, в больничной палате пишет свои воспоминания Ганс. Домбровский оказывается на грани жизни и смерти из ссылки, где оказался по доносу писательницы Ирины Стрелковой на него и его роман, в «подставного автора» которого, Ганса Мезонье, стреляет полусумасшедшая Сюзанна Сабо.

В финале романа «Обезьяна приходит за своим черепом» Ганс становится рупором авторских идей, что приводит к ослаблению художественности, но усилению публицистического пафоса, обнажению дидактики и назидательности. В последних абзацах «Обезьяны...» появляется тема суда, на котором свидетелем, обвиняемым и обвинителем одновременно должен выступить Ганс: «Уверю вас, люди, заполняющие зал судебного заседания...» [11, с. 447] – обращается Ганс к своим читателям.

Тема суда появляется у Домбровского еще раз в публицистическом послесловии к роману «Факультет ненужных вещей»: «Идет суд. Я обязан выступить на нем. А об ответственности, будьте уверены, я давно уже предупрежден» [19, с. 697]. Как Ганс, создавший текст-предупреждение, так и Домбровский, написавший «Факультет ненужных вещей», существуют в ситуации поражения, но берут на себя ответственность за несовершенство мира, пытаются противостоять злу.

В заключение необходимо сделать следующие выводы. В центре романа «Обезьяна приходит за своим черепом» стоит авторское сознание, которое можно определить как экзистенциальное. При этом основные темы экзистенциализма – смерти и самоубийства, безумия, ситуации поражения, экзистенциальной ответственности – рассматриваются Домбровским в конкретном историческом времени 1940–1950-х гг.

Это определяет особое место «Обезьяны...» как в общеевропейском литературном процессе, так и в истории русской литературы этого периода. Моделирование ситуации столкновения человека с абсурдным миром, конструирование художественного пространства сближает роман Домбровского с такими произведениями, как «Война с саламандрами» К. Чапека и «Чума» А. Камю, где осмысление глобального зла происходит сквозь призму одиночного сознания, существующего вне национальных и эпических ориентиров.

Вместе с тем поэтика романа «Обезьяна приходит за своим черепом» генетически связана с исканиями русской литературы первой трети XX в., точнее, той ее части, которую сейчас называют «литературой экзистенциального типа сознания» [6], в которой многовариантно художественно осмысляются основные темы духовных исканий эпохи, когда автор только входил в литературу. С этой точки зрения обращение Домбровского в 1940–1950-е гг. к творчеству Шекспира видится тоже как продолжение традиций литературы Серебряного века.

Роман «Обезьяна приходит за своим черепом» является этапным в творческой эволюции автора. Темы противостояния враждебному миру, поиски духовных опор в этом противостоянии, поднятые впервые в творчестве Домбровского в этом романе, станут основными в главных произведениях его жизни – романах дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». В «Обезьяне...» Домбровский продолжил начатые литературой Серебряного века поиски ориентиров духовного существования в эпоху крушения гуманизма, заново переосмысляя темы самоубийства и безумия, проверяя возможность сохранить человеком человеческое, опираясь только на знание культуры. Параллельно Домбровский продолжает рефлексию над проблемой, тоже заявленной Серебряным веком и сформулированной писателем по поводу первого своего романа «Державин», проблему взаимоотношений автора и созданного им текста. В романе «Обезьяна приходит за своим черепом» культура, призванная синтезировать все духовные явления действительности, не способна противостоять антигуманной социальной реальности, а пансемиотическая идея культурного бессмертия подвергается облучению релятивистским мироощущением. Текст не сохраняет истинные знания о мире, он становится частью ложной реальности. Продолжение авторской рефлексии на эту тему мы встречаем в дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», а завершение – в последнем рассказе Домбровского «Ручка, ножка, огуречик...», где происходит бунт автора-персонажа против собственного текста.

В перспективе дальнейшее исследование поэтики романа «Обезьяна приходит за своим черепом» видится в выявлении интертекстуальной составляющей текста Ю. Домбровского, в анализе функций культурных аллюзий, цитат и реминисценций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домбровский Ю. О. Приключения «Обезьяны» (Материалы к истории романа) // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 2. С. 449–463.
2. Домбровский Ю. О. Степан Павлович // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 6. С. 242–244.
3. Кравчук И. А. Медицинский дискурс в романе Ю. О. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 3. С. 296–317. DOI: <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10003>.
4. Зайцева А. Р. Концепция истории в антифашистском романе-предостережении Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX междунар. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб., 2015. С. 107–116.

5. Яськовска Р. Человека и история в творчестве Ю. Домбровского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 18 с.
6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с. С. 9–226.
7. Заманская В. В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. Екатеринбург–Магнитогорск: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 409 с.
8. Трубина Л. А. Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л. А. Трубиной. М.: МПГУ, 2015. 408 с. С. 7–14.
9. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
10. Домбровский Ю. О. Итальянцам о Шекспире – главные проблемы его жизни // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 3. С. 296–305.
11. Домбровский Ю. О. Обезьяна приходит за своим черепом // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 2. С. 5–448.
12. Каблуков В. В., Косицына Е. Ф. «Номо post scriptum» в драматургии А. Платонова и Н. Эрдмана: традиции и новаторство // Наука и школа. 2023. № 3. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-3-11-17>.
13. Каблуков В. В. Концепт «самоубийство» в русской литературе 1920–1930-х годов // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. Филология. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_suicide/ (дата обращения: 10.05.2024).
14. Каблуков В. В. «Гамлет» У. Шекспира в метасознании русской лирики первой трети XX века // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. Филология. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_Hamlet/ (дата обращения: 10.05.2024).
15. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО, 2001. 224 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
17. Домбровский Ю. О. Моя нестерпимая боль. Стихотворения // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 6. С. 127–170.
18. Домбровский Ю. О. Деревянный дом на улице Гоголя // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 1. С. 289–322.
19. Домбровский Ю. О. К историку // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, 1992–1993. Т. 5. С. 694–697.

REFERENCES

1. Dombrovskiy Yu. O. Priklyucheniya “Obezyany” (Materialy k istorii romana). In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols.* Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 2. Pp. 449–463.
2. Dombrovskiy Yu. O. Stepan Pavlovich. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols.* Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 6. Pp. 242–244.
3. Kravchuk I. A. Meditsinskiy diskurs v romane Yu. O. Dombrovskogo “Obezyana prikhodit za svoim cherepom”. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2021, Vol. 19, No. 3, pp. 296–317. DOI: <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.10003>.
4. Zaytseva A. R. Kontseptsiya istorii v antifashistskom romane-predosterezhenii Yu. Dombrovskogo “Obezyana prikhodit za svoim cherepom”. In: Pushkinskie chteniya – 2015. *Khudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst. Proceedings of the XX International conference*. Ed. by V. N. Skvortsov, T. V. Maltseva. St. Petersburg, 2015. Pp. 107–116.
5. Yaskovska R. Cheloveka i istoriya v tvorchestve Yu. Dombrovskogo. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Nizhny Novgorod, 1998. 18 p.
6. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti. In: Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 336 p. Pp. 9–226.
7. Zamanskaya V. V. *Russkaya literatura pervoy treti XX veka: problema ekzistsentsialnogo soznaniya*. Ekaterinburg–Magnitogorsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1996. 409 p.

8. Trubina L. A. Nekotorye tendentsii razvitiya literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne. In: Otechestvennaya slovesnost o voyne. Problema natsionalnogo soznaniya. To the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. *Proceedings of the XX Sheshukov readings*. Ed. by L. A. Trubina. Moscow: MPGU, 2015. 408 p. Pp. 7–14.
9. Camus A. *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p. (In Russian)
10. Dombrovskiy Yu. O. Italyantsam o Shekspire – glavnye problemy ego zhizni. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols*. Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 3. Pp. 296–305.
11. Dombrovskiy Yu. O. Obezyana prikhodit za svoim cherepom. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols*. Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 2. Pp. 5–448.
12. Kablukov V. V., Kositsyna E. F. “Homo post scriptum” v dramaturgii A. Platonova i N. Erdmana: traditsii i novatorstvo. *Nauka i shkola*. 2023, No. 3, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-3-11-17>.
13. Kablukov V. V. Kontsept “samoubiystvo” v russkoy literature 1920–1930-kh godov. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2008, No. 5. Filologiya. Available at: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_suicide/ (accessed: 10.05.2024).
14. Kablukov V. V. “Gamlet” U. Shekspira v metasoznanii russkoy liriki pervoy treti XX veka. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2008, No. 5. Filologiya. Available at: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_Hamlet/ (accessed: 10.05.2024).
15. Baudrillard J. *Sistema veshchey*. Moscow: RUDOMINO, 2001. 224 p. (In Russian)
16. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p. (In Russian)
17. Dombrovskiy Yu. O. Moya nesterpimaya byl. Stikhotvoreniya. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols*. Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 6. Pp. 127–170.
18. Dombrovskiy Yu. O. Derevyanny dom na ulitse Gogolya. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols*. Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 1. Pp. 289–322.
19. Dombrovskiy Yu. O. K istoriku. In: Dombrovskiy Yu. O. *Collected works. In 6 vols*. Moscow: TERRA, 1992–1993. Vol. 5. Pp. 694–697.

Каблюков Валерий Витальевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка (как иностранного), МИРЭА – Российский технологический университет

e-mail: val.kablukov@yandex.ru

Kablukov Valerii V., PhD in Philology, Assistant Professor, Russian as a Foreign language Department, MIREA – Russian Technological University

e-mail: val.kablukov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2024

The article was received on 19.05.2024